

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ПРАВО НА ПРИСУЖДЕНИЕ ИЛИ ИСКОВОЕ ПРАВО ТРЕБОВАНИЯ К ПРАВОНАРУШИТЕЛЮ (Миф о едином субъективном праве)

Аннотация. В статье подвергается критике укоренившаяся в советской и постсоветской цивилистике догма, представляющая гражданское право на защиту как способность, признак или правомочие всякого субъективного права принудительно осуществляться. Аргументируется точка зрения, согласно которой единичное гражданское право на защиту является правом на присуждение правонарушителя к указанному в ст. 12 ГК РФ действию. Анализ такого способа защиты, как «присуждение к исполнению обязанности в натуре» демонстрирует, что гражданское право на защиту как любое требование к правонарушителю является правом на его присуждение. Исковое право на защиту — это возникающее у лица вследствие нарушения его законного интереса исковое право требования, которое является правом потерпевшего на действие правонарушителя, соединенным с возможностью присуждения последнего к требуемому действию и потому выступающим как право требовать от суда удовлетворения иска. Аргументация гражданского права на защиту как искового права требования утверждает естественность логики, согласно которой факт нарушения регулятивного права некоторого лица влечет возникновение у него нового, отличного от нарушенного права на защиту. Специфика этого охранительного права заключается в том, что оно направлено к правонарушителю, является правом потерпевшего требовать от суда принуждения последнего, т.е. удовлетворения иска и характеризуется многообразием требуемых от правонарушителя действий, которые удовлетворяют не только нарушенный интерес кредитора, но и вызванные нарушением интересы, например, в возмещении убытков, уплате неустойки. Отстаивается мнение о том, что с пропуском исковой давности существование субъективного гражданского права окончательно прекращается. Статья 206 ГК РФ не дает никаких оснований сомневаться в том, что согласно абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ истечение давностного срока погашает исковое право на защиту, аннулируя тем самым законный интерес кредитора в действии должника, а вместе с тем и само право требования этого действия как реальную возможность его реализации.

© Мотовиловкер Е. Я., 2016

* Мотовиловкер Евсей Яковлевич, кандидат юридических наук, доцент Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова
jakobs55@rambler.ru
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

Ключевые слова: право на защиту, право на иск, защита гражданских прав, право на признание, удовлетворение иска, судебная защита, исковая давность, право требования, кредитор, должник, правонарушение.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.009-021

ДОГМА

В плоть и кровь современной цивилистической доктрины вошла традиция думать, что судебная защита нарушенного права выражается в его же принудительном осуществлении. Сама же возможность имеющей такой вид защиты, часто именуемая «право на иск», представляется как а) элемент (правомочие) каждого субъективного права, б) его признак или в) состояние.

«Каждое гражданское право, — писал Агарков М. М., — включает правомочие на его осуществление... в принудительном порядке» и «называется правом на иск в смысле гражданского права или правом на иск в материальном смысле (в противоположность праву на иск в процессуальном смысле, т.е. праву на судебную защиту)»¹.

По мнению О. С. Иоффе, «возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы *юридическими* возможностями»².

ЛОГИКА ДОГМЫ

Вековое представление о содержащейся внутри каждого субъективного гражданского права возможности его же принудительного осуществления зиждется на традиционном осмыслении нормы, устанавливающей право покупателя истребовать через суд индивидуально-определенную вещь в случае неисполнения

продавцом обязанности по ее передаче (п. 2 ст. 463, ст. 398 ГК РФ).

Вот, рассуждает доктрина, нарушено право покупателя на передачу вещи продавцом. А вот в результате у покупателя появилась возможность получить вещь путем ее отобрания у продавца (ст. 398 ГК РФ). Но отобрать вещь у продавца — значит, принудить его к передаче, право на которую было им нарушено. Следовательно, возникающая у покупателя возможность защиты есть возможность принудительного осуществления его права на передачу вещи. Эта возможность является не новым правом, а лишь состоянием, в которое приходит «старое» право в результате нарушения. Ведь ничего не меняется: до нарушения у покупателя было право на получение товара, оно и осталось после нарушения, только усиленное принуждением. Потому что это гражданское (юридическое) субъективное право и ему свойственно принудительно осуществляться. Что добровольно, что принудительно — все равно в итоге покупатель станет владельцем товара. «Развитие... права на иск в нашем смысле, — писал М. А. Гурвич, — не производит никакого изменения или преобразования в содержании и юридической природе права; последнее во всем сохраняет свое тождество, приобретая лишь характер принуждения...»³.

Анализ примера: обнаружение права покупателя на судебную защиту. Теперь подумаем над этим примером с позиции конкретно-логического анализа и уточним, детализируем, преобразуем канонический взгляд о способности всякого субъективного права принудительно осуществляться в случае нарушения.

¹ Гражданское право : в 2 т. / под общ. ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М., 1944. Т. I. С. 109.

«Право на иск, — замечал Б. Б. Черепахин, — есть особое состояние субъективного гражданского права, в котором оно приобретает способность к принудительному в отношении обязанного лица осуществлению» (см.: Советское гражданское право : в 2 т. / отв. ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Б. Б. Черепахин. Л., 1971. Т. I. С. 212).

² Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 90. См. также: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 105 ; Гражданское право : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2006. Т. I. С. 121.

³ Гурвич М. А. Избранные труды : в 2 т. Краснодар, 2006. Т. I. С. 182.

1. *Право требования покупателя.* Обратим внимание, что право покупателя на передачу товара есть а) не просто субъективное право, но б) право на чужое действие или право требования (требование). Таким образом, наше субъективное право представляет собой право покупателя требовать от продавца передачи вещи, за которым, как за всяким требованием, стоит законный интерес правообладателя в совершении обязанным определенного действия.

2. *Принуждение продавца к передаче как действие суда.* Теперь поразмыслим о так называемой способности субъективного права принудительно осуществляться в случае нарушения. Если учесть, что за фразой «принудительное осуществление» стоит акт принуждения, а за фразой «осуществление права требования» — действие обязанного лица в пользу правообладателя, то «принудительное осуществление права требования покупателя» конкретизируется в «принуждение продавца к передаче товара покупателю».

Дальше введем в размышление еще один очевидный факт: принуждение продавца к передаче товара представляет собой специальное, отдельное действие суда, ибо только суд, как орган власти, вправе осуществлять принуждение. Значит, принуждение продавца к передаче вещи покупателю выступает актом его присуждения к передаче.

3. *Право покупателя на присуждение продавца.* Очевидно, что суд, принуждая допустившего просрочку продавца к передаче товара покупателю, действует в пользу последнего, помогая ему удовлетворить свой интерес в получении товара. Значит, сама возможность такого принуждения выступает правом покупателя на действие суда, т.е. правом покупателя требовать от суда принуждения продавца к передаче товара или правом на присуждение.

Очевидно, что акт присуждения в принципе невозможно мыслить сам по себе, но лишь в контексте вопросов: кого и к какому действию принуждает суд. В нашей ситуации суд принуждает продавца-правонарушителя к передаче вещи, которую он обязан был совершить, но не совершил. Нетрудно понять, что акт присуждения имеет цель того действия, к которому принуждается правонарушитель. Соответственно, принуждая продавца к передаче, суд хочет только одного: чтобы продавец передал вещь покупателю. Другой цели у суда нет.

Но ведь этой же передачи хочет и покупатель. Она — предмет его законного интереса. Ее он имеет право требовать от продавца. Следовательно, принуждая продавца к передаче вещи покупателю, суд не занимается не чем иным, как участвует в удовлетворении законного интереса покупателя в передаче товара, т.е. помогает ему реализовать нарушенное продавцом требование.

Таким образом, акт присуждения продавца к передаче товара представляет собой только лишь способ реализации требования покупателя к допустившему просрочку продавцу. И значит, право покупателя на присуждение не входит в структуру его права требования к продавцу как отдельное правомочие, но являясь его постоянным спутником, усиливает это право как реальную возможность покупателя получить вещь от продавца. Иными словами, появляющаяся у покупателя вследствие просрочки продавца возможность добиться от суда участия в реализации требования покупателя к продавцу передать вещь, существует в пространстве этого требования как возможности получить вещь, подчеркивая его природную особенность. Соответственно, право покупателя требовать передачи вещи от продавца-нарушителя существует как право на присуждение продавца к передаче.

4. *Право покупателя на удовлетворение иска.* Теперь подумаем о том, что конкретно делает суд, принуждая продавца к передаче? Чем именно занимается? Очевидно тем, что *удовлетворяет иск* покупателя, в котором последний заявил свой интерес в присуждении продавца к передаче. Всякое присуждение начинается с удовлетворения иска. Следовательно, право покупателя на присуждение продавца в сути своей является правом требовать от суда удовлетворения соответствующего иска.

5. *Право покупателя на судебную защиту.* Наконец, обратим внимание, что присуждение продавца к передаче товара покупателю означает присуждение его к совершению того действия, которое он обязан был совершить, т.е. к исполнению возникшей из договора регулятивной обязанности. Нетрудно заметить, что подобный акт присуждения охватывается способом защиты гражданских прав, именуемым в ст. 12 ГК РФ как «присуждение к исполнению обязанности в натуре». Следовательно, право покупателя требовать от суда принуждения продавца-нарушителя к передаче товара (удовлетворение соответствующего иска) яв-

ляется еще и правом на определенный способ защиты, складывающийся с участием суда, т.е. правом на судебную защиту.

6. *Отдельность права покупателя на защиту.* Итак, размышление о последствиях отказа продавца передать вещь покупателю демонстрирует некую упрощенность и примитивизм традиционного представления, согласно которому возможность принудительного осуществления есть свойство любого субъективного гражданского права или его правомочие. Там, где доктрина видит только состояние субъективного права, в котором раскрывается присущая ему способность к принудительной реализации⁴, там понятийно-логический анализ обнаруживает возникновение у покупателя вследствие просрочки продавца законного интереса в осуществлении судом принуждения продавца к передаче, который, как и всякий интерес в чужом действии, является правом требования от суда принуждения⁵. Данное субъективное право существенно отличается от нарушенного. Во-первых, по основанию: там — договор купли-продажи, здесь — правонарушение продавца. Во-вторых, по характеру требуемого действия и его субъекту: там — совершаемая продавцом передача вещи, здесь — осуществляемый судом акт принуждения продавца к передаче, который выражает специфический способ защиты — «присуждение к исполнению обязанности в натуре».

ОТ «ПРИСУЖДЕНИЯ К ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАННОСТИ В НАТУРЕ» К ПОНИМАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА НА ЗАЩИТУ КАК ПРАВА НА ПРИСУЖДЕНИЕ

Попытаемся обнаружить природу права на защиту через понятийно-логический разбор такого способа защиты, как «присуждение к исполнению обязанности в натуре».

Шаг 1. Что следует понимать под фразой «исполнение обязанности в натуре»? Кто ее несет и каким действием она исполняется? Ее несет тот, у кого она была (возникла из договора), кто должен был ее исполнить (наступил срок), но не исполнил (допустил просрочку). Иными словами, обязанность в натуре — это

сохранившееся у не исполнившего ее лица обязанность совершить то самое действие (натурально то самое), которое должник не совершил в необходимый срок. Обязанность в натуре есть та обязанность, которую продолжает нести должник после факта ее неисполнения.

Но ведь неисполнение должником обязанности означает, что должник оставил право кредитора без реализации и тем самым нарушил его требование. И если после правонарушения должник продолжает нести обязанность в натуре, значит, кредитор продолжает иметь нарушенное право требования.

Отсюда вывод. Обязанность в натуре — это обязанность должника-правонарушителя совершить действие, реализующее нарушенное им требование кредитора. Соответственно, акт исполнения обязанности в натуре, по сути, является актом реализации нарушенного требования.

Шаг 2. Предыдущий вывод позволяет увидеть, что за таким способом защиты гражданских прав, как «присуждение к исполнению обязанности» стоит:

- а) акт судебного принуждения;
- б) должник-правонарушитель;
- в) действие, реализующее нарушенное требование кредитора.

Но ведь единственная цель всякого принуждения заключается в том, чтобы принуждаемый совершил то действие, к которому его принуждают. И если вызываемое судебным принуждением действие удовлетворяет пусть и нарушенный, но по-прежнему законный интерес кредитора, значит суд, принуждая должника-нарушителя, помогает кредитору в осуществлении его интереса. И значит, помочь потерпевшему кредитору в реализации его требования к должнику-нарушителю — вот смысл, назначение, природа акта присуждения к исполнению обязанности в натуре.

Именно этот смысл позволяет объяснить, почему присуждение правонарушителя есть акт защиты нарушенного гражданского права и почему вообще нарушенное гражданское право надо защищать. Так объясним же.

Для начала вникнем в ситуацию гражданского правонарушения. О каком праве идет

⁴ Гурвич М. А. Указ. соч. С. 178—182.

⁵ См. об этом подробно: Мотовиловкер Е. Я. Проблемы определения гражданского права требования // Проблемы гражданского права и процесса. Вып. 5. Ярославль, 2015. С. 54—64.

речь? Что конкретно нарушается? Конкретно нарушается регулятивное право требования, т.е. охраняемый законом интерес некоторого лица (правообладателя) в добровольном совершении другим лицом (обязанным) определенного действия к определенному сроку.

Дальше следует, что факт правонарушения:

- а) выражается в отсутствии требуемого действия должника при наступлении срока;
- б) несет в себе смысл, согласно которому право кредитора остается нереализованным, а интерес — неудовлетворенным.

Интерес прекращается удовлетворением. Поэтому покупатель, не получивший от продавца товар к определенному сроку, по-прежнему заинтересован в его получении.

Что значит «право кредитора осталось нереализованным»? Это значит, что потерпевший кредитор, с одной стороны, может остаться заинтересованным в совершении должником-нарушителем требуемого действия, т.е. вполне даже может хотеть реализации нарушенного требования, а с другой стороны, сталкивается с проблемой реализации своего права, которая решается единственно путем принуждения обязанного лица. А как еще можно преодолеть выраженную в просрочке волю должника отказаться от исполнения обязанности?

В этой ситуации законодатель, признавший нарушенный интерес кредитора его правом требования, должен помочь ему довести нарушенное требование до реализации, урегулировать вопрос о принуждении должника и тем самым защитить нарушенное требование.

И законодатель регулирует этот вопрос:

- а) устанавливая, что принуждение может исходить только от суда;
- б) обозначая в ст. 12 ГК РФ такой способ защиты, как «присуждение к исполнению обязанности в натуре» и, таким образом, предоставляя кредитору возможность добиться от суда принуждения правонарушителя.

Да, именно возможность, для реализации которой кредитору необходимо приложить усилия: предъявить иск и доказать факт правонарушения. Присуждение есть действие суда, и оно автоматически в момент просрочки не наступит, само к кредитору не придет. Следовательно, суд, осуществляя принуждение, реализует возникшую у кредитора из правонарушения возможность присуждения, удовлетворяет его законный интерес в действии суда, которым, по определению, является его правом требования к суду.

Дальше сделаем принципиальнейший вывод. За способом защиты, именуемым «присуждение к исполнению обязанности в натуре» стоит право на этот способ защиты, которое:

- а) возникает на основании неисполнения должником регулятивной обязанности;
- б) принадлежит кредитору, сохранившему нарушенное требование (требование исполнения обязанности в натуре);
- в) и является правом требовать от суда принуждения должника-нарушителя к тому действию, которое он обязан был совершить.

ЕДИНСТВО И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРЕБОВАНИЯ К ПРАВОНАРУШИТЕЛЮ И ПРАВА НА ЕГО ПРИСУЖДЕНИЕ

Размышляя о природе права на принуждение, вспомним логику его возникновения.

Кредитор, обладающий нарушенным требованием к правонарушителю, имеет возможность, а значит, право добиваться от суда принуждения только и именно потому, что без судебного принуждения реализация сохранившегося за ним нарушенного права к должнику невозможна. Иными словами, сохранив за кредитором нарушенный интерес, законодатель, обеспечивая его исполнимость и защищая его от повторного нарушения, признает за кредитором интерес в присуждении.

По сути дела, интерес потерпевшего кредитора в присуждении вызывается к жизни его интересом в совершении правонарушителем должного действия. Вызывается для того, чтобы сделать возможность удовлетворения нарушенного интереса реальной и придать ей качество полноценного права требования.

Дальше выходит, что право лица требовать от суда принуждения (в силу чисто вспомогательного значения акта присуждения) является:

- а) характеристикой полноценности его права требования к правонарушителю;
- б) выступает признаком юридической защищенности этого требования, придавая ему смысл реальной возможности совершения правонарушителем действия по исполнению обязанности в натуре.

Анализ способа защиты гражданских прав, именуемого «присуждение к исполнению обязанности в натуре», приводит к выводу, согласно которому принадлежащее потерпевшему кредитору право на данный способ защиты существует как единство двух его прав: права

требования от суда принуждения и право требования от правонарушителя действия по исполнению обязанности в натуре.

Взаимообусловленность этих двух требований обосновывается спецификой соотношения реализующих их действий, которые в принципе не могут быть осмыслены отдельно друг от друга.

Присуждение — это акт суда, направленный на то, чтобы вызвать действие правонарушителя, требование которого имеет потерпевший кредитор. Присуждается правонарушитель только к тому действию, которое удовлетворяет законный интерес лица, чье право требования было нарушено. Отсюда следует, что право на присуждение — это право требовать от правонарушителя действия путем его присуждения к этому действию. И наоборот, право требования к правонарушителю — это право требовать от суда принуждения правонарушителя к требуемому действию.

Выходит, право на защиту путем присуждения к исполнению обязанности в натуре есть право обладателя нарушенного требования требовать от суда принуждения должника-нарушителя к реализующему действию. Иными словами, оно есть нарушенное требование, усиленное правом на присуждение.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ВСЯКОЕ ТРЕБОВАНИЕ К ПРАВОНАРУШИТЕЛЮ, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ПРАВОМ НА ЕГО ПРИСУЖДЕНИЕ

Анализ такого способа защиты, как «присуждение к исполнению обязанности в натуре», ставит вопрос: «Всякое ли требование к правонарушителю характеризуется правом на присуждение, или возможность судебного принуждения присуща только нарушенному требованию?»

Положительный ответ на первую часть вопроса дает логическое толкование ст. 12 ГК РФ, где способы защиты представлены действиями правонарушителя, право требования которых возникает у кредитора именно вследствие правонарушения.

Такие способы защиты как возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда выражают собой не нарушенный регулятивный законный интерес потерпевшего кредитора, а новый, охранительный интерес, порождаемый исключительно фактом гражданского правонарушения. До

причинения убытков требование об их возмещении возникнуть не может и, следовательно, не может быть нарушено.

Является ли право на такой способ защиты, как возмещение убытков правом на присуждение причинителя к возмещению? Да, является. Такой ответ обосновывается тем, что согласно ст. 11 ГК РФ защиту нарушенных гражданских прав осуществляет суд. Следовательно, суд участвует в осуществлении такого способа защиты, как возмещение убытков потерпевшему. Как участвует? Естественно, не тем, что непосредственно возмещает убытки, но тем, что принуждает причинителя к их возмещению. Следовательно, право на возмещение убытков как право на защиту (определенный способ защиты) существует как право на присуждение к возмещению убытков.

Итак, логический анализ ст. 11, 12 ГК приводит к выводу о том, что способы защиты, которые обозначают конкретные действия правонарушителя, должны пониматься как присуждение правонарушителя к действию. За способом защиты, именуемым «компенсация морального вреда», стоит «присуждение к компенсации морального вреда»; за «взысканием неустойки» — «присуждение к уплате неустойки»; за «возвратом вещи из чужого незаконного владения» — «присуждение к возврату».

Право на ту защиту, которая выражается в том или ином действии правонарушителя, является требованием потерпевшего кредитора, усиленным возможностью присуждения обязанного нарушителя, т.е. является правом требовать от суда принуждения ответственного лица к тому или иному действию.

Сама же возможность присуждения, выступая характеристикой любого требования к правонарушителю, создает род таких прав, в которых интерес правообладателя в совершении обязанным определенного действия существует как интерес в его присуждении к этому действию.

ОТДЕЛЬНОСТЬ АКТА ПРИСУЖДЕНИЯ. ПРАВО НА ПРИСУЖДЕНИЕ КАК ПРАВО НА УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ИСКА

Органическая взаимосвязь и взаимообусловленность принадлежащих потерпевшему кредитору права требовать от суда принуждения правонарушителя к определенному дей-

ствию и права требовать от правонарушителя совершения этого действия не отменяет разности этих прав. Не отменяет в силу различности и разъединенности во времени реализующих данные требования действий.

Конкретный акт судебного принуждения *направлен* на совершение правонарушителем действия, но он не влечет это действие автоматически, не сливается с ним в один поведенческий акт, являясь внешней силой, воздействующей на волю ответственного за правонарушение лица, выступая своеобразным актом давления. Суд присуждает причинителя убытков к их возмещению, но убытки возмещает сам причинитель. И по субъекту, и по содержанию, и по времени совершения акт присуждения представляет собой действие, отдельное и отличное от действия, к которому присуждается правонарушитель.

Соответственно этому право лица на присуждение, будучи сущностным признаком, необходимым приложением его же права требования к правонарушителю, является относительно самостоятельной возможностью в силу того, что реализуется специфическим действием особого субъекта — суда. И эта отдельность права на судебное принуждение от требования к правонарушителю ставит перед аналитиком задачу выявить:

- а) условия его реализации;
- б) содержание реализуемого действия.

Что побуждает суд заняться принуждением в интересе лица, чье право нарушено? И что конкретно делает суд, принуждая правонарушителя к определенному действию?

Допустим, что в результате просрочки продавца у покупателя возникло право на присуждение продавца к передаче индивидуально-определенной вещи⁶, то есть законная возможность получить от суда помощь в реализации своего нарушенного требования. Придет ли такая помощь сама? Нет, не придет. Это не тот случай, когда кредитор должен ждать от обязанного добровольного совершения требуемого действия при наступлении срока. Здесь

другой случай. Здесь, чтобы суд помог, надо попросить его о помощи и убедить в ее обоснованности. Суд физически не сможет принудить продавца к передаче, если покупатель не заявит ему о своем интересе в принуждении и не докажет факт правонарушения со стороны продавца.

Таким образом, для того чтобы реализовать право на присуждение продавца к передаче товара, покупателю необходимо приложить определенные усилия:

- а) заявить суду требование о принуждении, т.е. предъявить иск⁷;
- б) доказать в процессе рассмотрения иска законность требований. Сам же акт судебного принуждения, будучи реакцией суда на рассмотрение предъявленного покупателем иска, является его решением об удовлетворении иска.

Возникшее из правонарушения право кредитора на присуждение ответственного лица к определенному действию (например, возмещению убытков, уплате неустойки), во-первых, имеет условиями своей реализации предъявление и обоснование кредитором иска и, во-вторых, реализуется актом удовлетворения судом иска, являясь, таким образом, правом требовать от суда удовлетворения иска⁸.

И поскольку право требовать от суда удовлетворения иска как возможность присуждения правонарушителя к действию выступает силовым признаком всякого требования к правонарушителю, к последнему вполне уместно добавить прилагательное «исковое».

Таким образом, гражданское право на защиту — это возникающее у лица вследствие нарушения его законного интереса исковое право требования, которое является требованием к правонарушителю, соединенным с возможностью его присуждения к требуемому действию, и потому выступающим правом требовать от суда удовлетворения иска.

⁶ Так следует понимать указанное в ст. 398 ГК РФ право кредитора «требовать отобрания вещи у должника и передачи ее кредитору».

⁷ Право на присуждение, таким образом, предстает правом требования, для реализации которого его обладателю необходимо заявить требование обязанному лицу, т.е. воспользоваться своим правом.

⁸ Именно потому, что акт присуждения протекает в форме удовлетворения судом иска, доктрина называет возможность принудительного осуществления субъективного права правом на иск, а законодатель — правом на защиту по иску (ст. 195 ГК РФ).

ПРИМИТИВИЗМ ДОКТРИНЫ

Представленный вывод демонстрирует нам совершеннейшую несостоятельность укоренившегося в советской и постсоветской юриспруденции представления, что возможность принудительного (через суд) осуществления субъективного права есть *его же признак, правомочие*, которые актуализируются в случае правонарушения.

Это так потому, что проникновения в суть гражданского права на защиту как искового права требования утверждает естественность логики, согласно которой факт нарушения регулятивного права требования некоторого лица влечет возникновение у него нового, отличного от нарушенного права на защиту. Специфика этого права заключается в трех моментах:

- 1) оно направлено к правонарушителю;
- 2) является правом потерпевшего требовать от суда принуждения, т.е. удовлетворения иска;
- 3) оно характеризуется многообразием требуемых от правонарушителя действий, которые удовлетворяют не только нарушенный интерес кредитора, но и вызванные нарушением интересы, например, в возмещении убытков, уплате неустойки.

Новизна такого права на защиту *логически уничтожает*, буквально *сводит на нет* доктрину права на иск как субъективного права в состоянии принуждения и вместе с этим опровергает ее *базовый постулат*: «Право, неспособное перейти в состояние права на иск, не есть право. Способность права приходиться в это состояние присуща всякому гражданскому праву»⁹.

Ничего подобного. Во-первых, возникающее из просрочки продавца право покупателя на возмещение убытков трудно назвать «состоянием», в которое перешло право требования передачи вещи. Возникшее право — другое право, хотя бы потому, что передача вещи не равна возмещению убытков: разные действия.

Во-вторых. Право требования, скажем, возмещения убытков в принципе не способно переходить в состояние права на иск, потому что в силу противоправности основания возникновения (причинения убытков) и обращенности к правонарушителю (причинителю убытков)

само по себе является исковым, а именно — правом требовать от суда удовлетворения иска о возмещении убытков. Так что если говорить языком доктрины, «способность принудительно осуществляться» присуща не всякому субъективному праву, а лишь требованию, направленному к правонарушителю.

Если же говорить точным языком, то за «способностью всякого субъективного права принудительно осуществляться» стоит возникающая у лица вследствие нарушения его законного интереса реальная возможность присуждения правонарушителя к обозначенному в ст. 12 ГК РФ действию, которая и есть искомое право требования.

В-третьих, возникшее, скажем, из договора, субъективное право представляет собой право кредитора требовать от должника добровольно совершить некоторое действие к определенному сроку. Именно добровольно.

Поэтому утверждать, что данное право обладает способностью принудительно осуществляться, что именно это право в результате нарушения переходит в «боевое состояние», логически неправильно. Нельзя принудить к добровольной передаче вещи.

В этом смысле ситуацию правонарушения следует описывать не через абстрактные фразы: «наступление зрелости права» или «право, пришедшее в состояние боевой готовности»¹⁰, а через ясное и точное: «право на добровольное совершение должником определенного действия сменилось правом требовать от суда принуждения должника к определенному действию». Более лаконично: до правонарушения существует регулятивное право требования; после — возникает охранительное, искомое право требования.

БАЗОВАЯ ОШИБКА ДОКТРИНЫ: МИСТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

Главная причина несостоятельности доктрины, представляющей гражданское право на защиту как способность, состояние или элемент (правомочие) всякого субъективного права, заключается в иррациональной убежденности теоретиков, что последнее есть очевидность, которую нет нужды определять и вообще ис-

⁹ Гурвич М. А. Указ. соч. С. 182.

¹⁰ Указ. соч. С. 179.

следовать. Субъективное право — это субъективное право, считают они. Что тут рассуждать.

Почему так выходит? Потому что утверждение «субъективное право имеет способность» логически предполагает его существование как отдельного предмета. Того, что имеет свойство, скажем, принудительно осуществляться, того, что переходит из одного состояния в другое, например в «боевое», то есть выделенного в пространстве объекта. И наделяя всякое субъективное право свойствами, способностями и элементами, догматики, сами того не подозревая, преподносят его как самостоятельную субстанцию, обозначают его как вещь, которая существует сама по себе, живет своей отдельной жизнью.

Между тем субъективное гражданское право как ответ на вопрос, что принадлежит определенному лицу, есть всего лишь законный интерес этого лица в совершении действия, его возможность получить определенное имущественное благо (например, денежную сумму или вещь).

И что — субъективное право в таком ракурсе обладает способностями, существует как отдельный предмет? Очевидно, нет. Субъективное право, будучи интересом определенного субъекта, *вне последнего, само по себе, смысла не имеет*. Положите право заимодавца требовать возврата долга на стол, под микроскоп и поищите свойства этого права. Вы ничего не увидите, потому что право заимодавца есть его законный интерес, его возможность получить сумму займа. А интерес на стол не положишь: нечего класть. Интерес определенного лица, как идеальная субстанция, не существует вне своего носителя и не имеет отдельного материального бытия.

Таким образом, за рассуждением о признаках, свойствах, состоянии всякого субъективного права стоит грубая ошибка теоретиков в способе существования права, влекущая его мистификацию до уровня полной неопределенности.

Доктрина избегает определять субъективное право потому, что подсознательно боится увидеть там охраняемый законом интерес в действии другого лица, который «похоронит» догму о гражданском праве на защиту как состояние всякого субъективного права. Лишь преодолевший туман фразеологии теоретик

способен непредвзято задуматься о том, что такое субъективное право. И взглядевшись в его великую разновидность, именуемую «право требования», он обнаружит там вызванную определенным юридическим фактом реальную возможность удовлетворить свой законный интерес в совершении обязанным определенным действием.

ПРЕКРАЩАЕТСЯ ЛИ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО С ИСТЕЧЕНИЕМ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ? ЗАГАДКА СТАТЬИ 206 ГК РФ

Понимание права на иск как права требовать от суда удовлетворения иска, соединенное с анализом главного практического правила применения исковой давности, закрепленного в абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ, позволяет умозаключить, что истечение давностного срока погашает исковое право требования и ставит точку в существовании субъективного права. Однако нет такого исследования об исковой давности, в котором его автор, глядя в правило ст. 206 ГК РФ: «должник или иное обязанное лицо, исполнившее обязанность по истечении срока исковой давности, не вправе требовать исполненное обратно» (аналогично, ст. 89 ГК РСФСР), не воспроизвел бы, кажется, уже вечный вопрос: «Прекращает ли свое существование с истечением срока исковой давности само субъективное гражданское право, либо с истечением давности погашается лишь возможность его принудительного осуществления, тогда как само субъективное гражданское право продолжает существовать?»¹¹

Между тем и сторонники мнения о прекращении самого субъективного права с истечением срока исковой давности (Д. И. Мейер, Г. Ф. Шершеневич, М. М. Агарков, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, В. П. Грибанов), и сторонники взгляда, что субъективное право продолжает существовать в юридически ослабленном состоянии (И. Б. Новицкий, Б. Б. Черепахин, Д. М. Генкин, В. А. Тархов, Е. А. Суханов, А. П. Сергеев), строят рассуждения, исходя из концептуального мифа о едином субъективном праве, которое возникает из юридического факта, уже имея в своей структуре правомочие на свое принудительное осуществление. Причем, по мнению большинства ученых, это

¹¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 183.

правомочие как возможность судебной защиты является признаком (чертой, свойством) каждого субъективного гражданского права, воплощающим в себе его способность принудительно осуществляться¹².

Этот миф развеивается конкретно-логическим анализом истории существования единичного субъективного права. Возникшее из правомерного юридического факта, например, из договора, право требования до его нарушения в принципе не может быть реализовано посредством присуждения обязанного лица и потому является реальной возможностью удовлетворения законного интереса правообладателя в добровольном совершении обязанным некоторого действия (скажем, передачи вещи или уплаты денег). Именно и только в добровольном.

Между тем факт правонарушения означает, что а) правообладатель не может уже рассчитывать на добровольное осуществление своего требования обязанным и б) потому законодатель, регламентируя эту ситуацию, предоставляет ему новую возможность — новое право на удовлетворение, пусть, в частности, и нарушенного интереса (скажем, интереса продавца в оплате проданного товара) путем присуждения должника-правонарушителя к необходимому действию.

Выходит, что так называемое «субъективное гражданское право» в реальной действительности выступает либо как возникающее из правомерного юридического факта (допустим, сделки) регулятивное право требования, либо как вызванное правонарушением исковое (охранительное) право требования¹³.

В таком ракурсе связанный со статьей 206 Гражданского Кодекса Российской Федерации вопрос о последствиях истечения исковой давности приобретает иную, более конкретизированную формулировку: «Исчезает или продолжает существовать право кредитора требовать от должника-правонарушителя совершения определенного действия (например, передачи вещи, возмещения убытков) после того, как право на присуждение должника

к этому действию погасилось фактом пропуска исковой давности»? Если ответить «продолжает существовать», то спрашивается, что именно должно существовать на месте «юридически ослабленного», оставшегося после истечения давностного срока права требования (скажем, оплаты проданного товара)? Очевидно, должен сохраниться охраняемый законом интерес в совершении должником известного действия и, соответственно, реальная возможность его удовлетворения. Сохраняется ли все это у кредитора после истечения давностного срока? Совсем нет, и вот по каким соображениям.

Исковое право на защиту возникает на основании правонарушения именно потому, что последнее свидетельствует о невозможности добровольного совершения обязанным лицом необходимого действия. Следовательно, утрачивая в связи с пропуском исковой давности право требовать от суда принуждения должника к той же оплате проданного товара, кредитор, по сути, теряет реальную возможность получить плату вопреки отказу должника оплатить товар. Тот факт, что законодатель в соответствии с п. 2 ст. 199 ГК РФ лишает кредитора возможности защититься от правонарушения по истечении давностного срока, означает, что его интерес в действии должника перестает быть охраняемым законом интересом. На что может надеяться пропустивший давностный срок кредитор в плане осуществления своего требования? Только на то, что должник-правонарушитель по незнанию закона или по соображениям нравственности добровольно исполнит свою «старую» договорную обязанность. Призрачные надежды. Подобную возможность реализации требования кредитора никак нельзя назвать реальной. Это абстрактная возможность. Таким образом, именно потому, что наличие у кредитора определенного гражданского права требования по своей юридической сути означает наличие у него реальной возможности удовлетворить свой охраняемый законом интерес в действии другого лица, утрата такой возможности вследствие пропуска исковой давности означает полное исчез-

¹² «Каждое гражданское право, — писал М. М. Агарков, — включает правомочие на его осуществление... в принудительном порядке...» (Гражданское право : в 2 т. / под общ. ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М., 1944. Т. I. С. 109).

¹³ То, что традиционная доктрина обозначает способностью субъективного гражданского права принудительно осуществляться, на самом деле является относительно самостоятельным искомым правом требования.

новение субъективного права требования и прекращение юридической связи кредитора с должником.

Нетрудно догадаться, что в ответ на предложенные рассуждения сторонники «юридически ослабленного права» в качестве аргумента предъявят правило ст. 206 ГК РФ. Полемизируя с профессором М. М. Агарковым, И. Б. Новицкий замечал, что, если отрицать существование обязательства, по которому истекла давность, то как объяснить норму, согласно которой в случае исполнения должником обязательства по истечении давности он не вправе потребовать уплаченное обратно?¹⁴

«Обязательство прекратилось, — отвечал М. М. Агарков, — и кредитор никакого требования больше не имеет. Но основание для перехода имущества от бывшего должника к бывшему кредитору осталось»¹⁵.

«Однако вопрос именно в том и заключается, — рассуждал И. Б. Новицкий, — почему же осталось основание для такого перехода имущества?»¹⁶

Между тем оба профессора ошиблись в одном: никакого основания для перехода имущества к кредитору после того, как истек давностный срок, не остается, ибо таким основанием выступает последующее исполнение должником своей обязанности, причем добровольное исполнение. Сам факт последующего перехода к кредитору права на имущество всецело зависит от доброй воли должника и произойдет только тогда, когда последний захочет исполнить прошлое обязательство и передаст имущество кредитору.

Таким образом, после истечения исковой давности по обязательству остается:

- а) не основание для перехода имущества к кредитору;
- б) но лишь абстрактная возможность возникновения такого основания; т.е. совершенно гипотетическая, «смутная» возможность того, что бывший должник своей доброй волей создаст это основание, передав имущество кредитору.

Логика законодателя при установлении нормы статьи 206 ГК РФ состоит не в том, чтобы регламентировать отношение кредитора и должника в связи с истечением исковой давности (это законодатель сделал в абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ), а в том, чтобы урегулировать фактическую ситуацию, которая с малой долей вероятности, но в принципе может возникнуть, когда бывший должник добровольно исполнит свое погашенное обязательство. Законодатель как бы говорит должнику: «Вы можете передать имущество бывшему кредитору во исполнение своей обязанности, а можете не передать. Мне все равно. Я не настаиваю. Но если уж передали, то имейте в виду — права требовать исполненное обратно у вас нет. Право собственности возникает у бывшего кредитора».

Не обнаружив этого смысла, традиционная цивилистическая наука вывела из нормы ст. 206 ГК РФ, по сути, чуждую для нее проблему. Норма ст. 206 ГК РФ не дает никаких логических оснований для постановки вопроса о последствиях истечения исковой давности. Там нет такого вопроса. Есть другой — о последствиях исполнения бывшим должником обязанности по истечении срока исковой давности, который соответствует и смыслу, и наименованию ст. 206 ГК РФ¹⁷.

¹⁴ См.: Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 225.

¹⁵ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 58.

¹⁶ «Разумеется, — писал И. Б. Новицкий, — на этот вопрос не может быть другого ответа, кроме того, что в рассматриваемом случае обязательство не совсем прекратилось: оно лишилось исковой защиты, но некоторую юридическую силу и некоторую защиту сохранило» (Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 225—226).

¹⁷ За не совсем логичным вопросом И. Б. Новицкого: «Почему же осталось основание для перехода имущества от бывшего должника к бывшему кредитору?» — на самом деле стоит другой вопрос: «Почему, по каким мотивам законодатель именно так, а не иначе регламентирует ситуацию, возникшую после истечения исковой давности?» Кстати сказать, советское гражданское законодательство знало другое правило, по которому хозяйственная организация, являющаяся должником, обязывалась не позднее чем через месяц после истечения исковой давности внести сумму долга в доход союзного бюджета (см.: Кабалкин А. Ю. Нормативные материалы по советскому гражданскому праву. М., 1965. С. 158 и след.). И здесь вполне уместно спросить, по каким мотивам законодатель создал такое правило? Но это другой вопрос. Как бы законодатель ни регламентировал ситуации, возникающие после истечения давностного срока, это никак не влияет на тот факт, что обязательственное правоотношение прекратило свое существование.

ВЫВОД

Норма ст. 206 ГК РФ не дает никаких оснований сомневаться в том, что согласно абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ пропуск исковой давности

погашает исковое право на защиту и тем самым прекращает законный интерес кредитора в действии должника, а вместе с ним и само право требования этого действия как реальную возможность его реализации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М., 1940.
2. Гражданское право : в 2 т. / под общ. ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. — М., 1944. — Т. I.
3. Гражданское право : в 3 т. / под общ. ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М., 2002. — Т. I.
4. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000.
5. Гурвич М. А. Избранные труды : в 2 т.— Краснодар, 2006. — Т. I.
6. Мотовиловкер Е. Я. Проблемы определения гражданского права требования // Проблемы гражданского права и процесса. — Ярославль, 2015. — Вып. 5.
7. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. — М., 1954.
8. Советское гражданское право: в 2 т. / отв. ред. О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Б. Б. Черепахин. — Л., 1971. — Т. I.

Материал поступил в редакцию 4 апреля 2016 г.

THE CIVIL RIGHT TO PROTECTION AS THE RIGHT TO AN AWARD OR CLAIM AGAINST AN OFFENDER (The myth of a single subjective right)

MOTOVILOVKER Evsey Yakovlevich — Ph.D., Associate Professor of the Demidov Yaroslavl State University
jakobs55@rambler.ru
150003, Russia, Yaroslavl, ul. Sovetskaya, d. 14.

Review. The article subjects to criticism the dogma that had entrenched in the Soviet and post-Soviet civil law under which a civil right to protection is treated as an ability, feature or legal power of any subjective right to be enforced. The author gives reasons in favor of an opinion under which a civil right of an individual to protection is treated as a right to subject an offender to measures enumerated in Article 12 of the RF Civil Code. An analysis of such a measure as execution of a duty in kind proves that the civil right to protection like any other claim against an offender is the right to being subjected to such a measure. A claim right to protection means a right of claim initiated by the violation of a legal interest of an individual that represents a right of a defendant to an action taken by an offender that is combined with an opportunity for a latter to be subjected to an action required by law and, thus, treated as a right to ask the court to satisfy a claim. Arguments in favor of treating a civil right to protection as a right of claim substantiate the naturalness of reasoning according to which an infringement of a right of a person entails a new right to protection that is different from an infringed right. The specificity of this protective right is that it is aimed at an offender and it is a right of a claimant to demand from the court to subject an offender to taking a certain action, i.e. to satisfy a claim, and is characterized by a variety of actions an offender is required to take and that satisfy not only an infringed interest of a claimant but also interests provoked by an infringement, for example, payment of damages or payment of penalty.

The author takes a stand according to which after a limitation period expires a subjective civil right ceases to exist. The rule enshrined in Article 206 of the RF Civil Code makes it obvious that according to Paragraph 2 of Part 2 of Article 199 the expiration of a period of limitation of actions discharges a claim right to protection and, thus, annuls a legal interest of a creditor in an action of a debtor and a right to claim this action as an opportunity to enforce it.

Keywords: right to protection, right to sue, protection of civil rights, right to an award, satisfaction of a claim, judicial protection, limitation of actions, right to claim, creditor, debtor, infringement of a right.

BIBLIOGRAPHY

1. *Agarkov, M. M.* An Obligation under Soviet Civil Law. — M., 1940.
2. Civil law: In 2 Vol. Vol. I / Ed. by M.M.Agarkov, D.M. Genkin. — M., 1944.
3. Civil law: In 3 Vol. Vol. I / Ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. — M., 2002.
4. *Gribanov, V. P.* Implementation and protection of civil rights. — M., 2000.
5. *Gurvich, M. A.* Selected Works: In 2 Vol. Vol. I.- Krasnodar, 2006.
6. *Motovilovker, E. Ya.* Problems of determining a civil right of claim // Problems of Civil Law and Procedure. — Yaroslavl, 2015. Issue 5.
7. *Novitsky, I. B.* Transactions. Limitation of actions. - M., 1954.
8. Soviet civil law: In 2 Vol. Vol. I / Ed. by O.S. Ioffe, Yu.K. Tolstoy, B. B. Cherepakhin. — L., 1971.